

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЧЕРК

К. Черный

ПУШКИН НА КАВКАЗЕ (Первая поездка 1820 года)

Истинная поэзия неотделима от прогрессивной политической борьбы. Она врывается в самую гущу жизненных событий, становясь могущественным орудием борьбы за народные идеалы. Таким высоким и благородным пониманием искусства отмечено начало поэтической деятельности А. С. Пушкина. Он вошел в историю русской литературы с развернутым знаменем борьбы с крепостничеством и его политическим оплотом — царским самодержавием:

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венки,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть свободу миру,
На тронах поразить тюрков.

Вооруженный острым поэтическим словом, А. С. Пушкин в непримиримой и ожесточенной борьбе народа с самодержавием занял сторону первого.

Питомцы ветренной судьбы,
Тираны мира! Трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

С первых дней литературного творчества у Пушкина все более и более зреет мысль, что поэзия — большое общенародное дело. В поэзии он видит свое высокое общественное призвание. В ней он ищет оснований для благородного служения Родине и народу. Пушкин поднимается в жизни и как солдат, и как поэт одновременно. Он знаменосец народных идеалов — зовет своим вдохновенным, горячим поэтическим словом людей на борьбу с тиранией...

На возвращение Александра I Пушкин пишет:

Ура!.. В Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель горько плачет,
А с ним и весь народ.
Мария в хлопотах Спасителя страшит
«Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вот бука, бука, — русский царь!»
Царь входит и вещает:
«Узнай народ российский
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир»...

Молодой, страстный, непримиримый Пушкин нес расцветившее живым поэтическим словом знамя борьбы против царя и его реакционного правительства. Но на

стороне царя и правительства была сила. Политические стихи молодого Пушкина вызвали гнев Александра. Он решил сослать Пушкина в Сибирь или на Соловки. Но, вызвав жестокую ненависть царя, Пушкин в то же время стяжал глубокие симпатии среди людей «ума и чести». Заступничество Карамзина, Жуковского и других передовых людей этого времени помешало Александру осуществить свой первоначальный замысел. За свои дерзкие, свободолюбивые стихи и эпиграммы двадцатилетний Пушкин был сослан на юг, в Екатеринослав, в распоряжение попечителя комитета о колонистах южного края России генерала Инзова. В Екатеринославе Пушкин пробыл недолго. Но и это недолгое пребывание дало Пушкину много ценного и интересного материала, как нельзя более соответствовавшего складу его поэтического революционного темперамента. Весной 1820 года пятьдесят деревень подняли восстание, которое жестоко было подавлено правительственными войсками. Это событие не могло не взволновать вольнолюбивой души поэта. В какой-то степени оно и стало источником творческого вдохновения, зародившего в душе его прекрасное творение поэтической мысли — поэму «Братья разбойники».

В Екатеринославе Пушкин заболел тяжелой формой лихорадки. По счастью для Пушкина в конце мая в Екатеринослав приехал со своей семьей генерал Раевский. Старый прославленный генерал направлялся на Кавказские минеральные воды. В день своего приезда, не дав себе даже отдохнуть, генерал со своим сыном разыскал А. Пушкина. Одинокствующий Пушкин лежал в убогой хате, сгорая от высокой температуры. Генералу не трудно было уладить вопрос о поездке Пушкина на Кавказ. Для самого же Пушкина поездка на Кавказ была большим счастьем. «С детских лет путешествия были моей любимой мечтой», — писал он впоследствии.

В конце мая семья Раевских, а вместе с нею и Пушкин, покинули Екатеринослав, направляясь на Кавказские минеральные воды. Пушкина радовали новые и свежие впечатления, которые давала ему поездка. Путешественники, переправлялись через Днепр неподалеку от его знаменитых порогов и острова» где жила казацкая вольница, прославленная впоследствии вдохновенно и ярко Н. В. Гоголем. У Мариуполя все покинули коляски, чтобы полюбоваться прибоем Азовского моря... Донские станицы, которыми ехали Раевские, открыли перед Пушкиным неисчерпаемое богатство народных сказаний о героях борьбы за свободу трудового крестьянства — Разине, Пугачеве, Болотникове, Булавине. Широкими и богатыми степями Войска Донского доехали до Ставрополя. В Ставрополе остановились для кратковременного отдыха. Город произвел на путников хорошее, впечатление. «...Ставрополь, — писал оттуда генерал в письме к своей дочери, — уездный город, на высоком и приятном месте и лучшем для здоровья жителей всей Кавказской губернии. В нем нашел я каменные казенные и купеческие дома, сады плодовые и немалое число обывателей, словом, преобразованный край, в который едущего ничего кроме отдаленности страшить не должно». Проливной дождь и сильная гроза заставили путников, как писал в том же письме старый генерал, остановиться «за сорок верст от Георгиевска». На другой день путники прибыли в Георгиевск. Для семьи Раевских этот город был особенно близок. Здесь прошли ранние годы военной жизни генерала Раевского. Старый генерал, в сопровождении Пушкина и сына Николая, ходил по городу, взволнованный воспоминаниями молодости. С Георгиевском были связаны яркие переживания молодости, здесь родился старший сын генерала. Генерал искал дорогие места, но «не нашел и следов моего жилища и места рождения твоего брата Александра», — сообщал он в письме к дочери.

Через день путники достигли конечного пункта своего путешествия Горячих Вод (ныне Пятигорск).

Общение Пушкина с семьей Раевских имело самые благодетельные последствия. Николай Николаевич Раевский — генерал русской армии, ученик Суворова, пользовался большой и вполне заслуженной славой. Во время Отечественной войны русского народа против Наполеона он командовал 7 корпусом 1-й Армии Багратиона... Народная молва создала ему немеркнущую славу героя великой битвы за Могилев. Против 10-тысячного

корпуса Н. И. Раевского стоял со своим шестидесятитысячным войском маршал Даву. Силы были неравные. Генерал Раевский взял своих сыновей Александра и Николая за руки и пошел с высокоподнятой головой на неприступную неприятельскую батарею, закричав войскам:

«Ребята! Вот я ваш генерал и сыновья мои со мной! Вперед же, вперед!»

Беспримерное проявление мужества генерала Раевского произвело огромное впечатление. Увлеченные смелым порывом, своего генерала, войска ринулись вслед за ним на укрепленные французские позиции. Эта страшная и кровопролитная битва 11 июля 1812 года имела большие последствия; сам Раевский о ней говорил: «Могилев потерян, но завоеван день». Русская армия выигрывала время для решительного удара, по Наполеону.

Н. Н. Раевский вошел в историю Отечественной войны, как ее прославленный герой. Ему посвятил в своем «Певце во стане русских воинов» Жуковский горячие слова, имея в виду знаменательную битву под Могилевым:

«Раевский — слава наших дней,
Хвала! Перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами».

Впоследствии Н. А. Некрасов, также посвятил в «Русских женщинах» генералу Раевскому трогательные строки:

«Защитник Смоленска» всегда впереди
Опасного дела являлся...
Под Лейпцигом раненый, с пулей в груди,
Он вновь через сутки сражался.
Так летопись жизни его говорят;
В ряду полководцев России,
Покуда отечество наше, стоит,
Он памятен будет!

В Пушкине проявилось самосознание русского народа, который в справедливой Отечественной войне против Наполеона развернул свои недюжинные силы, свою неиссякаемую творческую энергию, показал всему миру на что способно большое, чистое, патриотическое, русское сердце. Гений Пушкина только и мог расцвести на почве этого могучего роста самосознания русского народа. Чуткая и светлая душа поэта вдохновлялась творческой энергией народа, жадно впитывая все то, что было проявлением могущества и духовной красоты народа. Несомненно, что и встречи, и беседы с заслуженным и скромным героем Отечественной войны Н. Н. Раевским способствовали формированию патриотического сознания Пушкина. Н. Н. Раевский был не только героем справедливой войны русского народа, он был и просто обаятельным человеком, общение с которым воспитывало глубокое уважение к человеку, веру в силы его и способности. После совместного с И. Н. Раевским путешествия и пребывания на Кавказе, Пушкин писал брату: «Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я не видел в нем героя, славу русского войска, я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душой, снисходительного, попечительного друга, всегда милого» ласкового хозяина. Свидетель екатерининского, времени, памятник 12 года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества.»*) Светлую память о генерале Н. Н. Раевском А. С. Пушкин

*) Л.С.Пушкину (Кишинев, 24 сентября 1820 г.) Сочинения и письма А.С.Пушкина, под редакцией П.О.Морозова, том VIII.

сохранил до последнего дня своей жизни. В 1830 году Пушкин в «Литературной газете» опубликовал небольшую заметку. В ней поэт писал: «В конце истекшего года вышла в свет «Некрология генерала-от-кавалерии Н. Н. Раевского», умершего 16 сентября 1829 года. Сие сжатое обозрение писанное, как нам кажется, человеком, сведущим в военном деле, отличается благородною теплотою слога и чувства. Желательно, чтобы то же перо описало попространнее подвиги и правильную жизнь героя и добродетельного человека. С удивлением заметили мы непонятное упущение со стороны неизвестного (автора) некролога: он не упомянул о двух отроках, приведенных отцом на поля сражений в кровавом 1812 году!.. Отечество того не забыло».**)

Счастливейшие минуты, о которых А. С. Пушкин писал брату, не преувеличение. Сыновья Н. Н. Раевского — Николай и Александр — были его хорошими друзьями». Их взаимная привязанность не была результатом случайности. Их объединяли общие идейные устремления, общность литературных вкусов, горячее желание служить родине, не жалеть жизни для ее процветания. Это была крепкая дружба, освященная общностью борьбы за лучшие человеческие идеалы.

С Николаем Раевским — младшим сыном генерала — Пушкин был знаком еще и раньше. Молодой Николай Николаевич служил в гвардейском Ахтырском гусарском полку. Полк стоял в Царском Селе. Там же учился в лицее А. С. Пушкин. Сослуживцем Н. Н. Раевского по полку был П. Я. Чаадаев, с которым у А. С. Пушкина были самые дружественные отношения. Он-то и познакомил Н. Н. Раевского с Пушкиным. Вместе с отцом Н. Н. Раевский проделал длинный и славный путь изгнания Наполеона из России, участвовал во всех европейских кампаниях, включая и взятие Парижа. Он был представителем героического поколения, участвовавшего в войне за независимость России. Он был образованнейшим человеком среди офицерской молодежи, знал хорошо иностранные языки, тщательно следил за литературой. Смелость политических и литературных суждений молодого Раевского в сочетании с романтическим ореолом участника Отечественной войны привлекли А. С. Пушкина к Раевскому. Между ними установились дружественные отношения. Еще к моменту пребывания А. С. Пушкина в лицее относятся «важные услуги», как говорил А. С. Пушкин, оказанные ему Н. Н. Раевским. Петербургские годы жизни А. С. Пушкина сблизили его с Раевским. О дружественных отношениях двух молодых людей говорит и шуточная стихотворная записка А. С. Пушкина, адресованная Жуковскому и относящаяся к лету 1819 года.

Раевский, *молоденец* прежний,
А там уже *отважный сын*,
И Пушкин, школьник неприлежный
Парнасских девственниц богинь,
К тебе, Жуковский, заезжали,
Но, к неописанной нечаян
Поэта дома не нашли —
И, увенчавшись кипарисом,
С французской повестью *Борисом*
Домой уныло побрели.
Какой святой, какая сводня
Сведет Жуковского со мной?
Скажи, не будешь ли сегодня,
С Карамзиным, с Карамзиной?

***) А.С.Пушкин. Полное собрание сочинений. Издание 4. Гос. Издательство «Художественная литература», 1936 г., стр.69.

На всякий случай — ожидаю;
Тронися просьбою моей,
Тебя зовет на чашку чаю
Раевский — слава наших дней.

Совершенно понятно то глубокое внимание, которое проявил Н. И. Раевский к судьбе Пушкина во время пребывания последнего в Екатеринославе. После непродолжительной разлуки, друзья, таким образом, встретились вновь. Для Пушкина Н. Н. Раевский был не просто умным и интересным собеседником. Пушкин очень высоко ценил литературные вкусы Н. Н. Раевского, считался с ними и нередко принимал их в расчет в своей поэтической деятельности. Благодетельное влияние их бесед на литературные темы во время пребывания в Пятигорске и в Крыму имели настолько большие последствия, что Пушкин своего «Кавказского пленника», начатого в эту поездку на Кавказ, посвятил Н. Н. Раевскому. В посвящении он выразил свое чистое и теплое чувство признательности своему другу и единомышленнику:

Прими с улыбкою, мой друг,
Свободной музы приношенье:
Тебе я посвятил изгнанной лиры пень
И вдохновенный свой досуг.
Когда я погибал, безвинный, безотрадный,
И шопот клеветы внимал со всех сторон,
Когда кинжал измены хладной,
Когда любви тяжелый сон
Меня терзали и мертвили,
Я близ тебя еще спокойство находил;
Я сердцем отдыхал: друг друга мы любили.
И бури надо мной свирепость утомили:
Я в мирной пристани богов благословил.

А. С. Пушкин переживал тяжелые дни своего изгнания. Поэт, блистательно начавший свою литературную деятельность с обличения жестоких, бесчеловечных законов царского самодержавия, мужественно и гордо нес на себе бремя опального поэта, удаления которого с арены политической борьбы тайно и страстно желала придворная аристократическая знать. Жертва «мстительных невежд» — Пушкин здесь в Пятигорске в семье Раевских нашел дружественную поддержку, укреплявшую его сердце «свободой и терпением». Каждая деталь в жизни великого поэта дорога и близка сердцу советского человека и советские люди с теплотой сердечной будут вспоминать и такую деталь, как пребывание Пушкина в Пятигорске, где в дружеском общении с Раевским закалялись моральные силы поэта-борца, зрело его могучее дарование, разгораясь над землей горячим сиянием истинной поэзии.

Естественно, что в беседах Пушкина с Раевским литературные темы занимали самое большое место. Творческие искания А. С. Пушкина, связанные с замыслом «Кавказского пленника», не могли быть секретом для Н. Н. Раевского. Не случайно Н. Н. Раевский высказал о «Кавказском пленнике» суждение, близкое к оценке поэмы самим Пушкиным. В письме от 10 мая 1825 года он писал Пушкину: «Твой Кавказский пленник — произведение плохое — открыл путь, на котором посредственность встретит камень преткновения. Я не поклонник длинных поэм; но произведения отрывочного свойства требуют всей роскоши поэзии — сильно задуманного характера и положения». Сам Пушкин вслед за окончанием поэмы, в ответ на замечания о ней В. П. Горчакова писал ему: «Характер пленника неудачен. Это доказывает, что я не гождусь в герои романтических стихотворений». Но что А. С. Пушкина заставляло дорожить

мнением Н. Н. Раевского? Прежде всего его разумная, суровая и справедливая критика. Известно, что Пушкин был очень строг к себе в вопросах поэтического творчества. «Кавказский пленник» — отнюдь не плохое произведение. Оно выдержало самую суровую и строгую проверку — проверку времени и время не уничтожило всей прелести его поэтических красок. Но Пушкин пришел в поэзию не для того, чтобы удовлетвориться холодным мастерством версификатора, он хотел совершенствовать поэзию, он был поэтом в самом полном и самом глубоком смысле этого слова, он был творцом, созидателем, чародеем поэтического дела. Стремление к совершенствованию лежало в его поэтической природе. На путь совершенствования толкал А. С. Пушкина и Н. Н. Раевский. «Кавказским пленником» увлекались читатели. Раевский это знал и вместе с тем назвал поэму плохим произведением. Однако только ли плохим произведением считал поэму Пушкина Н. Н. Раевский? Это определение — плохое произведение — стоит в его письме в качестве мысли, дополняющей основное положение его письма: «Кавказский пленник» открыл путь, на котором посредственность встретит камень преткновения». Значит, произведение отнюдь не является продуктом посредственной творческой мысли. Оно открывает новый путь в поэзии. Это суждение Н. Н. Раевского о поэме совпадает с тем, которое высказал позже великий Белинский: «Еще раз: до Пушкина были у нас поэты, но не было ни одного поэта-художника; Пушкин был первым русским поэтом-художником. Поэтому, даже самые первые незрелые юношеские его произведения, каковы: «Руслан и Людмила», «Братья разбойники», «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан» отметили своим появлением новую эпоху в истории русской поэзии».

И когда Н. Н. Раевский в дружеском письме называет поэму произведением плохим, не значит ли это, что плохим оно было только для Пушкина, наделенного чудеснейшим даром стихотворчества, не значит ли это, что Н. Н. Раевский своей критикой толкал Пушкина на путь совершенствования, без которого ни на мгновение нельзя было представить поэтическое развитие Пушкина. Пушкин дорожил этой дружбой Раевского и умел ценить ее.

А. С. Пушкина и Н. Н. Раевского связывал общий интерес к судьбе русской литературы. В лице Н. Н. Раевского А. С. Пушкин поэтому видел человека, у которого интерес к литературе не был праздным интересом. Н. Н. Раевский умел смотреть на литературу глазами патриота, для которого развитие литературы прежде всего было проявлением безграничной духовной энергии народа и свидетельством славы своего отечества.

Пушкин, вдохновленный в своем развитии поэтической энергией народа, не только дорожил чрезвычайно литературным мнением своего друга, но и многими мотивами своего поэтического творчества обязан Н. Н. Раевскому. Известно, например, с каким глубоким интересом Пушкин занимался Степаном Разиным, этим, по его собственному выражению, «единственным поэтическим лицом русской истории». Известно также, что глубоко интересовался личностью Степана Разина и Н. Н. Раевский. Он собирал о Степане Разине исторические сведения с намерением написать впоследствии историю борьбы Степана Разина против крепостнического режима. Не лишено оснований предположение, что именно во время поездки Пушкина с семьей Раевских на Кавказ — этот интерес к личности крестьянского героя особенно возрос, так как он был обоюдным интересом и Пушкина, и Раевского. В казачьих песнях, рожденных южными степями, было немало сведений о Степане Разине, героический образ которого вошел в качестве легендарной личности в фольклорное творчество.

А. С. Пушкин и Н. Н. Раевский любили друг друга. Их дружба была скреплена общностью идейных устремлений. И тот, и другой впитали передовые идеи своего времени. Оба принадлежали к тому новому поколению, которое не только ненавидело самодержавный строй, но которое и готовило себя для активной борьбы с ним. Именно поэтом А. С. Пушкин мог делиться самыми сокровенными своими мыслями, которые

составляла «святое святых» его поэтической природы. И когда внутренний голос подсказал Пушкину, что настала пора его творческой зрелости, когда с трепетом душевным ощутил в себе могучий прилив творческого вдохновения, когда он ощутил в себе достаточно сил, чтоб «обходя моря и земли, глаголом» жечь «сердца людей», — именно в этот момент он обратился к Н. Н. Раевскому со словами: «Я чувствую, что мои духовные силы достигли совершенной зрелости, я могу творить».

О той же глубине и силе дружбы Пушкина с Раевским говорит и посвященное Н. Н. Раевскому стихотворение «Андрей Шенье». Отрывок, изъятый цензурой из этого стихотворения, ходил в рукописных списках под названием «на 14 декабря», выражал настроения декабристов, их отношение к царскому самодержавию. Известно, что следствие по этому стихотворению велось очень долго и окончилось установлением над Пушкиным тайного полицейского надзора. Посвящение этого стихотворения Н. Н. Раевскому весьма, симптоматично. Желание посвятить это стихотворение Н. Н. Раевскому у Пушкина могло появиться только при наличии той общности духовных интересов, у обоих, которая могла возникнуть при одинаково неприязненном отношении к самодержавию, воспитанном декабристским движением.

В начале июня 1820 года Пушкин вместе с семейством Раевских прибыл на Кавказские минеральные воды, в город Пятигорск, носивший тогда название Горячеводска... Здесь Пушкин встретился со старшим сыном генерала Раевского — Александром Николаевичем. По многосторонности развития Александр Николаевич Раевский принадлежал к передовым людям своего времени. С пятнадцатилетнего возраста он был зачислен в армию, участвовал в Отечественной войне, два года провел во Франции, будучи адъютантом М. С. Воронцова, ездил с ним также в Англию. В нем рано проявились недюжинные военные способности и в 22-летнем возрасте он имел уже чин полковника. Но склад его ума был крайне холодным, скептическим. Он разделил судьбу многих молодых людей своего времени, которые горели жаждой борьбы и подвига и которым царское самодержавие ничего не могло предложить кроме положения проповедников военной муштры. Большой ум, сильный характер А. Н. Раевского не мог между тем найти точки приложения своей энергии и не удивительно поэтому, что дух отрицания составлял существо его природы. Отец его Н. Н. Раевский именно в момент встречи Пушкина с А. Н. Раевским писал: «Я ищу в нем проявления любви, чувствительности и не нахожу их. Он не рассуждает, а спорит, и чем более он неправ, тем его тон становится неприятнее, даже до грубости... У него ум наизнанку... Я думаю, что он не верит в любовь, так как сам ее не испытывает и не старается ее внушить». Это резкое суждение отца о сыне, однако, не означает, что А. Н. Раевский был натурой безыденной. Он был поборником свободы и независимости народов, всесторонняя развитость помотала ему легко разбираться в международных событиях. В историческом столкновении современных ему сил реакции и сил прогресса он занимал сторону последних. Ко времени пребывания А. С. Пушкина на юге относится героическая борьба греческого народа за свою независимость против Турции. Эта борьба была во многом аналогична той борьбе, которую ведет сейчас героический греческий народ против фашизма, против американской и английской интервенции. Тогда мужественный поэт английского народа Байрон пошел на помощь греческому народу, который и «в падении своем таков, что ему нельзя не сочувствовать». Голос Байрона был голоса» правды. Этому мужественному человеку и в голову не могло прийти, что, столетием спустя, империалисты его родины грязными деяниями, направленными на порабощение греческого народа, затопчут в грязь его имя ради своих хищнических целей.

А. Н. Раевский принадлежал к тем передовым людям своего времени, которые встали на защиту греческого народа. Взволнованный ложными слухами, дошедшими до А. Н. Раевского, А. С. Пушкин писал ему в письме, датированном 1824 г. «С удивлением услышал я, что ты считаешь меня врагом освобождающейся Греции и поборником турецкого рабства. Видно, слова мои были тебе страшно перетолкованы, но что бы тебе

ни говорили, ты не должен был верить, чтобы когда-нибудь сердце мое недоброжелательствовало благородным усилиям возрождающегося народа».

Это письмо Пушкина дает, хотя и косвенную, но совершенно ясную характеристику А. Н. Раевского как врага реакции и поборника независимости народов; Однако отношение А. Н. Раевского к греческому вопросу — это только частность, подтверждающая передовой характер его мировоззрения. Оно нам объясняет, почему уже первая встреча А. С. Пушкина с А. Н. Раевским произвела на него глубокое впечатление. «Старший сын его (Александр Николаевич — сын генерала Раевского), — писал А. С. Пушкин в письме к брату Льву Сергеевичу после первой кавказской встречи с А. Н. Раевским, — будет более нежели известен». Результатом того огромного впечатления, которое произвел А. Н. Раевский на Пушкина, было стихотворение последнего «Демон». Современники А. С. Пушкина не без основания закрепили за А. Н. Раевским это наименование. Беседы с Раевским чрезвычайно волновали Пушкина.

«Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу холодный яд»,

говорит поэт словами стихотворения о Раевском. Добрые отношения между Пушкиным и Раевским, сохранились до конца жизни Пушкина. Когда поэт был выслан в 1824 году из Одессы, Александр Николаевич Раевский отозвался на это событие письмом, полным теплого и дружеского сочувствия. Он писал А. С. Пушкину 21 августа 1824 года:

«Помимо моего преклонения перед вашим прекрасным и высоким талантом я с давних пор питаю к вам чувство братской дружбы, которую никакие обстоятельства не смогут поколебать». А. Н. Раевский не боялся скомпрометировать себя дружеской связью с опальным поэтом. Точно также и А. С. Пушкин, узнав об аресте А. Н. Раевского по делу о восстании декабристов, писал с искренним и горячим, волнением поэту Дельвигу:

«Мне сказывали, что А. Раевский под арестом. Не сомневаюсь в его политической безвинности, но он болен ногами и сырость казематов будет для него смертельна. Узнай, где он и успокой меня».

Наконец, следует сказать о Марии Раевской, чтобы более или менее полно представить себе ту атмосферу, в которой оказался А.С. Пушкин во время своего пребывания на Кавказских минеральных водах. Молодая девушка, весьма начитанная, Мария Раевская если и не была предметом любви Пушкина, то во всяком случае ее обаятельный образ не раз становился предметом поэтического вдохновения А. С. Пушкина. Красота и моральная сила ее характера проявилась особенно в момент трагических событий, связанных с 14 декабря 1825 года. Мария Раевская, бывшая тогда уже женою декабриста Волконского, невзирая на нечеловеческие трудности, отправилась вслед за мужем на каторгу. Ее мужественное поведение вдохновило впоследствии Н. А. Некрасова на большое поэтическое произведение «Русские женщины». Несколькими поэтическими строками, вложенными в уста Марии Раевской, Некрасов отмечает близость Пушкина к семье Раевских:

И Пушкин тут был...
Я узнала его...
Он другом был нашего детства.
В Юрзуфе он жил у отца моего.
.....
Мы заняли дом под нависшей скалой,
Поэт наверху приютился,
Он нам говорил, что доволен судьбой,
Что в море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по дням

И были всегда одиноки,
Он у моря часто бродил по ночам.
По-английски брал он уроки
У Лены, сестры моей: Байрон тогда
Его занимал чрезвычайно.

Ум, красота, юность Марии Раевской будили в поэте самые теплые и искренние чувства. Когда Мария Раевская была уже в Сибири, Пушкин написал трогательные слова, посвященные Марии Раевской, предпосланные поэме «Полтава». Эти слова лучше всего свидетельствуют о характере отношений Пушкина и Марии Раевской во время их совместного путешествия по Кавказу и Крыму.

Тебе — но голос музы темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвящение поэта,
Как некогда его любовь,
Перед тобою без ответа
Пройдет, непризнанное вновь?
Узнай, по крайней мере, звуки,
Бывало, милые тебе —
И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе,
Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня.
Одна любовь души моей.

Члены семьи Раевских во время пребывания Пушкина на Кавказских минеральных водах были самыми близкими для него людьми. Поэт, на заре своей творческой жизни подвергшийся жестокому преследованию со стороны самодержавия, в семье Раевских нашел такую атмосферу самого искреннего и дружеского благожелательства, что становится вполне понятным глубокий смысл его слов, адресованных брату в письме из Кишинева: «Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского».

Кавказ произвел на Пушкина новое, чрезвычайно яркое впечатление. Этим впечатлением, поэт и делится со своим братом в том же письме: «Жалею, мой друг, что ты со мной вместе не видал великолепную цепь этих гор, ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и недвижными; жалею, что не всходил со мной на острый верх пятихолмного Бешту, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной. Кавказский край, знойная граница Азии — любопытен во всех отношениях». Сила ярких впечатлений у Пушкина прежде всего пробудила его поэтическое вдохновение. Пушкин открыл Кавказ для русской поэзии. Об этом пишет Белинский, имея в виду поэму Пушкина «Кавказский пленник», явившуюся результатом впечатлений, навеянных первым пребыванием Пушкина на Кавказе:

«Грандиозный образ Кавказа с его воинственными жителями в первый раз был воспроизведен русской поэзией, — и только в поэме Пушкина в первый раз русское общество познакомилось с Кавказом, давно уже знакомым России по оружию. Мы говорим — в первый раз: ибо каких-нибудь двух строф, довольно прозаических, посвященных Державиным изображению Кавказа, и отрывка из послания Жуковского к

Воейкову, посвященного тоже довольно прозаическому описанию (в стихах) Кавказа, слишком недостаточно для того, чтоб получить какое-нибудь, хотя сколько-нибудь приблизительное понятие об этой поэтической стороне. Мы верим; что Пушкин с добрым намерением выписал в примечаниях к своей поэме стихи Державина и Жуковского и с полною искренностью, от чистого сердца, хвалит их; но тем не менее он оказал им через это слишком плохую услугу: ибо после его исполненных творческой жизни картин Кавказа никто не поверит, что в тех выписках шло дело о том же предмете...»

Содержание «Кавказского пленника» было подсказано Пушкину самой действительностью. На Кавказе шла ожесточенная война. Нередки были случаи попадания русских офицеров в плен к горцам. В 1802 году, например, к горцам попал в плен русский генерал; в 1816 году в плен к горцам попал майор Шевцов, который пробыл в плену год и был выкуплен у горцев генералом Ермоловым. Об этих эпизодах кавказской военной жизни Пушкин мог слышать от Александра Раевского, который был адъютантом Ермолова — этого «проконсула Кавказа».

Любопытна мысль, высказанная современником Пушкина поэтом В. И. Туманским, проливающая свет на происхождение образа черкешенки в поэме. В одном из писем, после встречи с Пушкиным на юге, В. И. Туманский писал: «Мария идеал пушкинской черкешенки - дурна собой, но очень привлекательна острою разговоров и нежностью обращения». Туманский имеет в виду Марию Раевскую, которая по его мысли послужила прообразом черкешенки в поэме «Кавказский пленник».

Оба эти факта показывают насколько глубоко в поэтическое бытие Пушкина вошло общение с Раевскими. Об этом же свидетельствует и одно из высказываний самого Пушкина относительно «Кавказского пленника». «Кавказский пленник» — первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил; он был принят лучше всего, что я ни написал, благодаря некоторым элегическим и описательным стихам. Но зато Николай и Александр Раевские и я, мы вдоволь над ним посмеялись».

А. С. Пушкин, весьма строго относившийся к поэтическому творчеству, был сам для себя в вопросах поэзии «строгим судиею». Спустя несколько лет после создания «Кавказского пленника» в «Путешествии в Арзрум» он писал о нем: «Все это слабо, молодо, неполно; но, — добавляет он, — многое угадано и выражено верно». И несмотря на наличие в поэме недостатков, которые неоднократно и в других своих высказываниях отмечает Пушкин, поэма его читателями была принята восторженно. В Пушкине сердца читателей трогало прежде всего величие его поэтического дара, — дара самобытного русского поэта. «Слишком долго, — по выражению П. А. Вяземского, поэзия русская чуждалась природных своих источников». В Пушкине с необычайной силой отразились богатства и зрелость русской речи Пушкин с каждым новым произведением убеждал читателя, что сущность его поэзии была «сущностью нашего народа» (И. С. Тургенев).

«В Кавказском пленнике» пленяли именно эти свойства его поэзии. В своей поэме А. С. Пушкин, впервые вдохновенно и смело говорил о Кавказе, который был ареной ожесточенной войны. «Исполинский, покрытый вечным снегом Кавказ, — писал о нем позже Гоголь, — среди знойных долин поразил его; он, можно сказать, вызвал силу души его и разорвал последние цепи, которые еще тяготели на свободных мыслях. Его пленила вольная, поэтическая жизнь дерзких горцев, их схватки, их быстрые, неотразимые набеги; и с этих пор кисть его приобрела тот широкий размах, ту быстроту и смелость, которая так давила и поражала только что начинавшую читать Россию. Рисует ли он боевую схватку чеченца с казаком — слог его молния; он так же блещет, как сверкающие сабли и летит быстрее самой битвы. Он один только певец Кавказа, он влюблен в него всею душою и чувствами; он проникнут и напитан его чудными окрестностями, южным небом, долинами прекрасной Грузии и великолепными крымскими ночами и садами. Может быть, оттого и в своих творениях он жарче и пламеннее там, где душа его коснулась юга. На них он невольно означил всю силу свою и оттого произведения его, напитанные

Кавказом, волею черкесской жизни и ночами Крыма, имели чудную, магическую силу: им изумлялись даже те, которые не имели столько вкуса и развития душевных способностей, чтобы быть в силах понимать его».

Восторженные слова Гоголя объясняют нам, как кавказская тематика способствовала формированию духовного облика русского поэта, воплощающего в себе лучшие, передовые идеи времени. Кавказ «вызвал силу души его и разорвал последние цепи, которые еще тяготели на свободных, мыслях».

«Сила души» и «свободные мысли» позволили Пушкину взглянуть на Кавказ и на народы Кавказа не глазами официальной России, России царского самодержавия, а глазами русского народа, который в лице горских народов приобретал союзника в борьбе с царским самодержавием и крепостническим строем.

Те строки поэмы, которые посвящены описанию жизни горцев, проникнуты у Пушкина особенной теплотой, чувством нескрываемого уважения к горцам и их нравам, обычаям, привычкам. Недаром много говоря о недостатках своей поэмы, Пушкин указывал между тем: «Черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести» (из письма В. П. Горчакову).

Герой поэмы не только не питает никакой вражды к горцам, но, наоборот, картины наблюдаемой им жизни горцев наполняют душу его очарованием.

Но европейца все вниманье
Народ сей чудный привлекал.
Меж горцев пленник наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье,
Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду брани,
Движений вольных быстроту,
И легкость ног, и силу длани;
Смотрел по целым он часам,
Как иногда черкес проворный,
Широкой степью, по горам,
В косматой шапке, в бурке черной
К луке склонясь, на стремяна
Ногою стройной опираясь,
Летал по воле скакуна,
К войне заране приучаясь.

Царское самодержавие не останавливалось ни перед какими жестокостями в войне с кавказскими народами. Тем выразительнее становятся симпатии Пушкина к горским народам. Нам могут сказать, что это только поэзия, не являющаяся прямым откликом на события кавказской военной жизни. Да, сюжетная линия поэмы не является прямым отражением исторического столкновения, но горцы были враждебной царскому самодержавию силой и лирически теплое проникновенное, не враждебное, а дружественное изображение этой враждебной царскому самодержавию силы яркое подтверждение того, что Пушкин не был отравлен ядом вражды к горцам, которым в своей политике в отношении горских народов стремилось растлить сознание русских людей царское самодержавие. Этот контраст только лишний раз подчеркивал, что мировоззрение Пушкина, столь враждебное всей системе взглядов, господствовавших в России крепостников оставалось таким же и в вопросе о присоединяемых к России горских народов.

Картины мирной трудовой жизни горцев изображены с такой реалистической правдивостью и с таким одновременно гуманным чувством, которое может быть только у человека, уважающего право народов на труд, на мир, на счастье.

Уж меркнет солнце за горами;
Вдали раздался шумный гул;
С полей народ идет в аул,
Сверкая светлыми косами.
Пришли. В домах зажглись огни,
И постепенно шум нестройный
Умолкнул; все в ночной тени
Объято негою спокойной.

Пушкин не стремился очернить народ, враждебный русским крепостникам. Наоборот, он с искренностью человека, стремящегося к правде жизни, показывает моральную чистоту простых горских людей, чудесные нравственные устои их быта, освященные вековыми традициями.

Когда же с мирною семьей
Черкес в отеческом жилище
Сидит ненастно порой,
И тлеют угли в пепелище;
И, спрянув с верного коня,
В горах пустынных запоздалый,
К нему войдет пришлец усталый
И робко сядет у огня —
Тогда хозяин благосклонный
С приветом, ласково, встает
И гостю в чаше благовонной
Чихирь отрадней подает.
Под влажной, буркой, в сакле дымной,
Вкушает путник мирный сон,
И утром оставляет он
Ночлега кров гостеприимный.

Все в этой поэме чисто и светло. Это - радостная поэма. Она обаятельна, как человеческое благородство, как душевная красота человека. Поэма радуется нравственной чистотой ее содержания. Она свободна от эгоизма, алчности, она свободна от тех пороков, которые насаждаются собственническим эксплуататорским миром. Она преисполнена того морального величия, которое присуще народу. Вслушайтесь в строки поэмы, изображающие отношение горцев к пленнику:

Беспечной смелости его
Черкесы грозные дивились,
Щадили рек его молодой
И шопотом между собой
Своей добычею, гордились.

И по тому именно, как Пушкин изображает в своей поэме горцев; мы узнаем в нем поэта народного, воспевавшего идею мирного содружества народов, поэта, свободного от реакционных взглядов официальных деятелей царского самодержавия.

Кавказ во времена Пушкина был местом ожесточенной войны. Война на Кавказе не была только русской проблемой. Вопрос о том, с кем пойдет Кавказ, волновал не только Россию, Турцию, Иран, но и многие западноевропейские страны. Пушкин не мог не коснуться этого, основного вопроса своего времени, тем более в произведении кавказской тематики, «Кавказский пленник» был ответом и на этот вопрос.

По идейному замыслу поэма отнюдь не является произведением, воспевающим завоевателей Кавказа. Нельзя сказать также, что даже в эпилоге к поэме можно обнаружить это воспевание. По поводу эпилога с легкой руки П. А. Вяземского было много брани в адрес А. С. Пушкина со стороны либерально-буржуазных литературоведов. Вяземский упрекнул поэта в том, что он «окровавил последние стихи» своего «Кавказского пленника», либеральствующие буржуазные литературоведы прямо назвали его одописцем царских колонизаторов. А между тем, нетрудно установить, что когда Пушкин называет Котляревского «бичом Кавказа», «черной заразой» и говорит, что при появлении Ермолова «восток подымлет вой», — то это совсем не те поэтические средства, которые необходимы для воспевания покорителей Кавказа. Дело в том, что акцент в этом эпилоге сделан не на самих картинах опустошительнейшей для горских народов войны, и не на любовании этими картинами, а на том, что для этих народов придет мир, что

...Кавказ,
Забудет алчной брани глас.
Оставит стрелы боевые...

что в конечном счете акт присоединения Кавказа к России исторически оправданный акт. В эпилоге к «Кавказскому пленнику» нельзя не видеть, прежде всего ответ Пушкина весьма животрепещущий и злободневный вопрос его времени: Кавказ и Россия, вопрос о том, на чьей стороне окажется Кавказ и какой из путей для Кавказа окажется наилучшим путем развития. Пушкин был слишком политически активной натурой, чтобы равнодушно пройти мимо такого вопроса, как война на Кавказе. Неверно думать, что Пушкин на некоторое время стал сообщником царского самодержавия в его жестокой политике угнетения горских народов, что это, якобы, подтверждается эпилогом «Кавказского пленника». У нас есть все основания утверждать, что Пушкин, будучи передовым человеком своего времени, понимал неизбежность присоединения Кавказа к России. Это присоединение производилось руками Котляревского, Ермолова и других царских военачальников и иначе не могло быть, так как военная сила царской России была противопоставлена агрессии в отношении Кавказа со стороны Турции и Персии, агрессии, подогреваемой западноевропейскими империалистами. Вопрос о присоединении Кавказа к России решался Пушкиным в положительном смысле.

Более ста лет тому назад В. Р. Белинский обратил внимание именно на эту сторону вопроса своей очень яркой характеристикой исторического значения произведения:

«Какое же действие должны были произвести на русскую публику эти живые, яркие, великолепно-роскошные картины Кавказа при первом появлении в свет поэмы! С тех пор, с легкой руки Пушкина, Кавказ сделался для русских заветною страной не только широкой раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, страной кипучей жизни и смелых мечтаний! Муза Пушкина как бы освятила давно уже на деле существовавшее родство России с этим краем, купленным драгоценною кровью сынов и подвигами ее героев».

Последующая критика предала забвению эти замечательные слова великого критика. В поэме Пушкина искали влияние Байрона, отражение идей Ж. Ж. Руссо, отмечали романтическое своеобразие произведения и обходили вопрос об отношении Пушкина к такой острой и злободневной проблеме, как кавказская проблема.

Что впервые Пушкин высказал свое отношение к кавказскому вопросу в поэме «Кавказский пленник», в этом нет ничего случайного.

Именно при непосредственном соприкосновении с Кавказом, вместе с новыми творческими исканиями могла возникнуть необходимость ответить и на этот вопрос. Больше того, можно сказать, что без ясного ответа на вопрос об отношении к Кавказу, у Пушкина не могли найти решения и его новые творческие искания, связанные с введением в поэзию темы о Кавказе. Общение с Раевскими могло ускорить решение

вставшего перед Пушкиным вопроса о Кавказе. Генерал Раевский вместе с Ермоловым участвовал в Бородинской битве и очень внимательно следил за ходом событий на Кавказе, Александр Николаевич Раевский был адъютантом Ермолова и тема о завоевании Кавказа была одной из частых тем разговоров в семье Раевских. Близость обоих братьев Раевских к декабристам бесспорна и на кавказский вопрос они разделяли тот взгляд, который присущ был декабристам. Точка зрения декабристов была выражением передовых взглядов пушкинского времени. Нет ничего удивительного в том, что и Пушкин, в поэтическом гении которого воплотились политические стремления первых русских революционеров, перенес в поэзию взгляды декабристов по вопросу о завоевании Кавказа. Выразителем этой точки зрения среди декабристов был один из наиболее крупных деятелей декабристского движения П. Пестель, знакомство с которым у Пушкина состоялось вслед за кавказской поездкой. Плененный выдающимися познаниями Пестеля, смелостью его суждений, Пушкин записал в дневнике после встречи с Пестелем «Умный человек во всем смысле этого слова». И в более поздних высказываниях Пушкин сохранил то же восторженное отношение к этому крупному деятелю среди первых русских революционеров: «Только революционная голова, подобная... Пестелю, может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык». Пестель же в «Русской правде» поднимая вопрос о территории России, говорил, что Россия должна объединить малые народности «для утверждения безопасности, а не для какого-либо тщеславного распространения пределов государства».

Взгляд декабристов на Кавказ был перенесен из сферы политической в сферу литературно-творческую. Поэту-декабристу А. И. Одоевскому, переведенному из сибирской ссылки на Кавказ, принадлежит стихотворение, которое так же как и у Пушкина, вызвано было потребностью выразить свое отношение к Кавказу при непосредственном общении с ним и которое покоилось все на тех же взглядах декабристов.

Правилен ли был ответ декабристов и Пушкина по Кавказскому вопросу? Сейчас, столетие спустя, когда наука о государстве и нациях обогатилась трудами Ленина и Сталина, нам нетрудно ответить на этот вопрос. В классической работе товарища Сталина «Марксизм и национальный вопрос» говорится, что вопрос о том, как устроится та или иная нация, определяют «экономические, политические и культурные условия, окружающие данную нацию». (Сочинения, т. 11. стр. 314, ОГИЗ, 1946 г.).

Более ста лет тому назад Кавказ и народы Кавказа находились в таких условиях, которые исключали возможность их самостоятельного существования. Наиболее убедителен в этом отношении пример Грузии. Издавна территория Грузии подвергалась нападениям со стороны иноземных захватчиков. Ее плодородные земли топтали парфяне, персы, арабы, римляне, греки, монголы, турки. Расположенная на стыке двух континентов - Европы и Азии, Грузия на протяжении двух тысячелетий вела борьбу за право своего национального существования. Ее история и есть непрерывная цепь событий, иллюстрирующих эту борьбу. Особенно катастрофическим положение Грузии было в XVI—XVII веках, когда походы персов и турок, более опустошительные, чем походы Тамерлана угрожали Грузии не только полной утратой независимости, но и физическим уничтожением населения, ее богатых городов, ее древнейшей культуры, ее прекраснейших памятников искусства. На кого могла опереться Грузия от угрожающих ей опасностей? Она могла найти такую помощь только в России. Именно Россия в момент, когда Грузия истекала кровью под напором более сильных ее врагов, могла прийти ей на помощь. Эти надежды Грузии на помощь России не походили на отчаянную надежду утопающего, призывающего на помощь, она покоилась на экономических, политических и культурных связях двух стран, связях, которые, восходят к глубокой древности и которые к XVIII столетию утвердили в Грузии убеждение, что только сильное русское государство может спасти грузинский народ и его многовековую культуру от истребления. В 1801 году Грузия была присоединена к России.

«Грузия стала колонией царской России. Конечно, это было зло, с которым грузинский народ неустанно боролся, пока се в результате Великой Октябрьской революции не обрел себе свободу. Но в тех исторических условиях это было все-таки наименьшим злом: из трех соперничавших государств (Россия, Иран и Турция) близкая Грузии по религии и культуре Россия являлась единственной прогрессивной силой, способной объединить все грузинские земли и обеспечить необходимые условия для развития производительных сил страны.

Таким образом в истории Грузии началась новая эра. Многовековая борьба завершилась прорывом чуждого, враждебного окружения, и Грузия, с помощью России, вновь, и окончательно, встала на путь европейского развития» (Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа «История Грузии». Часть I. С древнейших времен до начала XIX в., Тбилиси, 1946, стр. 450).

Таким образом, присоединение Грузии к России было актом столь исторически неизбежным, столь и благодетельным для нее. Завоевание Грузии Ираном или Турцией означало для нее полную гибель, присоединение Грузии к России включало ее в круг европейского развития, давало возможность грузинскому народу присоединить свои силы к силам русского народа для борьбы с царским самодержавием и всем, созданным им, крепостническим режимом. Совершенно также обстоит дело и с другими народностями Кавказа — с той только разницей, что притязания на Кавказ предьявляли не только Турция и Иран, но и Англия.

«Национальный» вопрос на Кавказе может быть разрешен лишь, **в духе вовлечения запоздалых наций и народностей в общее русло высшей культуры**», — пишет товарищ Сталин в работе «Марксизм и национальный вопрос». Правда, это положение товарища Сталина относится к Кавказу не рассматриваемой нами эпохи, т. е. началу XIX века, но оно является теоретическим принципиальным положением, марксистской науки, в котором, следует искать ответа и на интересующий нас вопрос. В самом деле, какая из культур начала XIX века могла быть признанной за высшую культуру — турецкая, иранская, английская или русская? Мы знаем, что турки и персы несли горским народам физическое истребление, но мы знаем, что и англичане готовили Кавказу судьбу Индии. Англия стремилась превратить кавказские народы в раба, обслуживающего британскую нацию. Кавказ мог быть только русским, турецким или английским и при таком положении вещей наименьшим злом, наиболее исторически оправданным актом было присоединение Кавказа к России. Кавказ присоединением к России включался в общеевропейское развитие. Окажись. Кавказ под властью Англии, он стал бы второй Индией. А взглянем на положение Кавказа глазами сегодняшних событий: Кавказ, его народы в союзе с русским народом строят новую, светлую социалистическую жизнь. Современная Индия стонет под игом английских империалистов; не такова ли была бы и судьба Кавказа, окажись он под властью Англии?

Присоединение Кавказа к России было прогрессивным историческим фактом. Происходил процесс создания единого хозяйственного организма и это имело огромное значение и для народов Кавказа, так как «экономика сплачивает живущие в одном государстве нации». (Ленин, т. XVII, стр. 92).

В свете этого указания товарища Ленина становится понятным как явление положительное, в плане исторической его оценки и. противодействие, которое оказывала Россия Англии в ее попытках превратить Кавказ во вторую Индию. В особенности эти попытки усилились к 40 годам прошлого столетия. Секретарь, английского посольства в Константинополе Давид Уркарт развернул весьма активную деятельность, направленную на осуществление заветной мечты английских империалистов — превратить Кавказ в английскую колонию, подобную Индии. Он снаряжал целые экспедиции с оружием для горцев, посылал своих агентов, которые развивали весьма интенсивную деятельность за присоединение Черкессии к Англии. В Черном море было захвачено английское судно

«Vixcen», нагруженное контрабандой, главным образом оружием, и этот факт был достаточно красноречивым подтверждением империалистических вожделений Англии. Два английских агента — опытные профессиональные шпионы Белл и Лонгворт жили в Черкессии, на реке Пшаде, именуясь посланниками английского короля. В знак глубоких «симпатий» Белл подарил черкесам знамя, присланное якобы английским королем. Белл назвал это знамя «санджаком независимости». Это прекраснородушная фразеология матерого английского шпиона была только ширмой, скрывавшей истинные намерения Англии, с ее далеко идущими империалистическими стремлениями в отношении Кавказа. Русское командование, чтобы оградить Кавказ от проникновения английского империализма возводило береговые укрепления вдоль Черноморского побережья.

И это весьма симптоматично, что именно Н. Н. Раевский, с которым вместе жил Пушкин во время своей поездки на Кавказ и с которым вместе он пришел к убеждению, что будущее Кавказа целиком зависит от его присоединения к России, - этот Н. Н. Раевский стал в 1839 году — в период наибольших притязаний Англии на Кавказ — начальником Черноморской береговой линии и принялся весьма энергично за ее укрепление.

Но имел ли возможность Пушкин убедиться и сам в агрессивных намерениях Англии по отношению к Кавказу? Ответом на этот вопрос служит как будто незначительный, но вместе с тем весьма выразительный эпизод встречи Пушкина с чиновником английской миссии в Персии Виллоком. В 1820 году Виллок приехал в Тифлис. После кратковременного пребывания в Тифлисе он стал просить разрешения на поездку в Кизляр. Ермолова в Тифлисе не было. Он руководил военными операциями в Дагестане. Генерал-лейтенант Вельяминов разрешил поездку Виллоку в Кизляр. Но будучи хорошо осведомленным об истинных намерениях этой «туристской поездки Виллока, Вельяминов распорядился, чтобы представители местных кавказских властей не пускали Виллока за Терек и в Дагестан, а также установили наблюдение за его поведением в других местах его пребывания. Таким распоряжением генерал Вельяминов имел в виду лишить возможности Виллока осуществить свои шпионские замыслы, которые заключались в том, чтобы уточнить военную обстановку в Чечне и Дагестане и установить по возможности связи с горской знатью, с помощью которой было бы можно подчинить английскому влиянию эти районы Кавказа. Виллок был также в Пятигорске в то время, когда там находился вместе с семьей Раевских А. С. Пушкин. Он посетил генерала Раевского 20 июня 1820. года. На другой день Виллока посетили молодые друзья — офицеры лейб-гвардии — С. И. Мещерский, Н. Н. Раевский и А. С. Пушкин. Чем было вызвано это посещение? Старый генерал Н. Н. Раевский внимательно следил за ходом событий на Кавказе. Осведомленность его в этом вопросе была весьма широка. Отчасти она объясняется тем, что «проконсул Кавказа» Ермолов был очень близок семье Раевских. Ермолов и Раевский оба рядом сражались в Бородинской битве, Александр Раевский был адъютантом Ермолова и, естественно, что эта близость являлась одним из самых точных источников осведомленности Раевских, о кавказских делах; во-вторых, и старый генерал Раевский, и его молодые сыновья были не бесстрастными наблюдателями кавказских событий, но, наоборот, людьми, которые боролись за Кавказ, горячо и энергично отстаивая идею присоединения Кавказа к России. Этот весьма активный интерес Раевских к Кавказу не мог не вызывать у них известной реакции и на притязания Англии на Кавказ. Посягательство Англии на Кавказ было настолько очевидным, что даже люди и менее заинтересованные кавказской проблемой не могли его не заметить. Русское правительство через военного министра оповещало горцев, что за поимку уже упоминавшихся агентов английского империализма Белла и Лонгворта будет выдана денежная премия в 3000 рублей. Виллок был более ранним представителем английской агентуры на Кавказе и не таким открытым, каким оказались два этих его соотечественника, появившихся на Кавказе позже. Но тем не менее, семья Раевских, даже не располагая точными данными о тайных

шпионских целях поездки Виллока, не могла не видеть в Виллоке представителя страны, притязавшей на господство на Кавказе. Виллок с развязностью шпиона, нащупывающего пути, первым посетил генерала Раевского. Посещение это, конечно, было рассмотрено в семье Раевских в политическом аспекте и ответный визит к Виллоку трех молодых людей был продиктован стремлением ближе присмотреться к человеку, приехавшему на Кавказ с «далеко идущими намерениями».

Таким образом, и эта, казалось бы незначительная деталь из жизни А. С. Пушкина на Кавказе, вводила его в самую суть кавказской проблемы, политической и международной проблемы.

Первая поездка Пушкина на Кавказ имела огромные последствия. Она не только «сердцу возвратила мир», но она же помогла А. С. Пушкину открыть для русского читателя новую, весьма актуальную и злободневную для его времени тему — кавказскую тему. В этой теме А. С. Пушкина интересовала не ее экзотическая сторона. Он воспел «Кавказа гордые главы» как поэт национальный, русский, постигающий всю глубину и мудрость народного взгляда на жизнь. Он пришел на Кавказ не с пренебрежительной снисходительностью царедворца, а с любовью русского народа. Он покинул Кавказ не с самодовольством завоевателя, а с искренним восторгом, рожденным в сердце душевной красотой народов Кавказа. Пушкин покинул Кавказ, умудренный величием идей братства народов.